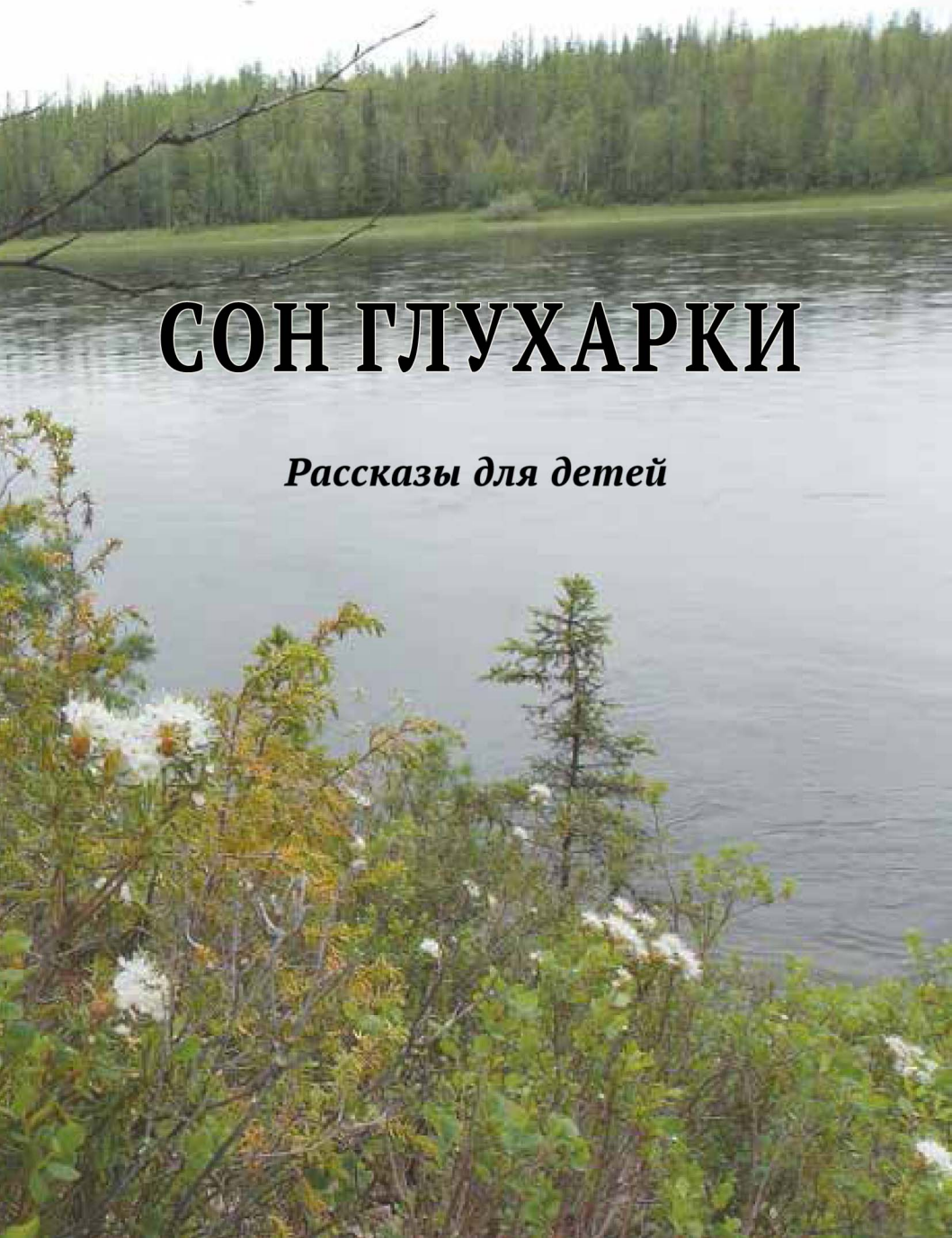

ГАЛИНА ЛАПТЕВА

СОН ГЛУХАРКИ

Рассказы для детей

ГАЛИНА ЛАПТЕВА

СОН ГЛУХАРКИ

Рассказы для детей

Санкт-Петербург
Алмаз-Граф
2017

УДК 373.167.1:811.511

ББК 81.2 Рус.

Л 00

Лаптева Галина

Л 00 Сон Глухарки: Рассказы для детей. — СПб.: Алмаз-Граф, 2017. — 32 с.
ISBN 978-5-906377-))-).

Книга знакомит читателя с культурой и бытом народа ханты, с особым миром взаимоотношения коренных жителей Севера с природой. Через рассказы-воспоминания о детстве много говорится об ответственности человека за всё существующее и происходящее в этом суровом и необычайно привлекательном крае.

Книга предназначена для детей среднего школьного возраста.

УДК 373.167.1:811.511

ББК 81.2 Рус.

ISBN 978-5-906377-))-)

© ООО «Алмаз-Граф», 2017
Все права защищены

Галина Павловна Лаптева – учитель хантыйского языка и литературы высшей квалификационной категории Ляминской средней общеобразовательной школы, почётный работник общего образования РФ, призёр ряда профессиональных конкурсов, обладатель гранта губернатора округа и лауреат премии Президента Российской Федерации. Автор сборника хантыйских песен для детей «Поющее озеро». Публиковалась в периодическом издании Сургутского госуниверситета «Скрижаль», в газете «Слово народов Севера» и в газете «Вестник» Сургутского района.

О, Золотая богиня дома, оберегай нас!

Эти слова моих предков всегда звучат при виде огня в чувале моей мамы, которая живёт на реке Юты. Сегодня с мамой мы проводим обряд «Поклонение Най Анки».

Мама шепчет тихим голосом:

– Хорошей, трудолюбивой невесткой была, вот и оставили меня охранять нашу речку Юты...

Голос мамы задрожал от воспоминаний о большой семье, которая у неё когда-то была, заблестели её глаза, и она быстро прикрыла их хантыйским платком.

Огонь одобрительно трещит, принимая из моих рук красную материю. Языки пламени заплясали, запели. Обряд очищения прошёл удачно!

– Какую песню споёшь сегодня, Огонь-Мать?

...А вот и видение! Не успеваю прислушаться, звучит голос деда Ефима:

– Юты юхан Луклэнки!

– Хуты илум? Хуты илум?

– С Юты речки Глухарь!

– Что мне делать? Что?

В этот момент Лук ики не принадлежал себе. И пронизывающая громкая песня старца всё больше захватывала пространство старой хантыйской избы, где собрался весь род Муцан ёх. Бабушка Татьяна – Лимэн Якор эви, идёт плясать, только кисти платка, как огонь, замелькали. Ещё мгновение, и мне кажется, что она и есть Огонь-Мать, которая в танце поёт:

– Танцуй, танцуй, внученька! Пусть радость будет в доме!

Сердце моё стучит:

– Так надо! Так надо всем! Пусть радость будет в доме!

И мне кажется, что я вижу сон: мелькают люди, берестяные маски, платки, голоса, огонь и я – тоже часть огня:

– Это сон? Нет!

– Это привели в дом его...

– Медвежий праздник!

– Пусть этот Священный день оберегает нас!

– Это сон? Да!

– Как я раньше не догадалась! Это Сон Глухарки!

– Да! Глухарка во сне прилетает к младенцам и оберегает их покой, даёт им здоровье! И только открой глаза, Глухарка сна улетит!

С Глухаркой сна мы дружим. Она часто мерцает перед моими сонными глазами на выскобленной берестяной люльке, подвешенной к потолку деревянной избы, когда я качаю моих младших братьев.

Долго ещё мне слышатся песни старшего поколения. Тогда мне было шесть лет. Это одно из ярких впечатлений детства. С тех давних пор прошло много лет. Я благодарна огню в чувале хантыйской избы и Глухарке сна, которая, закрой глаза, и прилетит!

– О чём ещё расскажешь, Огонь-Мать?

...И вот я вижу солнечный, летний день моего детства на реке Юты.

Детство моё прошло в верховье реки Лямы, на малой протоке Юты. Для нас она была кормилицей и любимой рекой. На поверхности речной глади

играли на длинных стебельках кувшинки, а по берегам росли могучие зелёные сосны. В солнечном бору росла сладкая ягода, но не было чёрной смородины. Только спелая брусника на белом ягельнике нежилая на солнце.

Девочка, с глазами смородины, цеплялась своей ручонкой за красный кустик брусники, и круглые щёки наполнялись сладким соком. Рядом токовали глухари, которые, конечно же, радовались красному ковру из спелых ягодин. Доносились песни лесных чаек с Поющего озера. Девочка пела свои песни на родном хантыйском языке. А иногда лесные могучие сосны на ягельном бору слышали песню Людмилы Зыкиной:

– Над колхозным над полем зори рано встают!

Девочка смеялась, и игривые солнечные лучики отражались в её чёрных глазах. Эту и другие песни выучила она, не зная русского языка, слушая радио долгими зимними вечерами. И полюбила звонкий русский язык, который завораживал воображение, и новый, зовущий, неизведанный мир манил, звал девочку в дорогу. Так закончилось обучение в Лесной школе.

И девочку повезли в школу на деревянной лодке с мотором "Ветерок", который делил Ляму речной волной на две половинки. Девочка-Природа прощалась с Солнечным Ягельным бором, сидя в "жужжащей" лодке, где пролистывали свои берега Лесные сосны.

– В школу! В школу! – шептала тихим голосом девочка, и солнечные сосны на ягельном бору подмигивали ей.

Прошло много лет, и только лучи Солнца, отражаясь в воде бликами, остались воспоминаниями в моих глазах.

Мой дед Овэр Якоп

Прошло уже тридцать пять лет, как нет со мной моего деда Овэр Якоп ики – Высокого Якова. А о нём помнят мои родственники из рода Ляты йох. Ляты, по легенде – это люди, сделанные из хлебного мякиша, хлебные люди, которые не стоят на месте. Встречаясь со мной, мои родственники, говорят:

- *Ты же Ляты, и дед твой был Ляты.*
- *Звали его Овэр – Высокий Якоп.*
- *Мы о нём слышали!*

Ещё «ляты» переводится как «оленьи люди»: когда по тундре бегут многочисленные стада оленей, то их лодыжки в мороз издают звук «ляты-ляты! Одно из больших болот в тундре называли Ляты-нёрэм, там жили мои предки по отцовской линии.

Дед учил меня самому простому – шить. Мы с ним шили священный халат для моей покровительницы Нум Анки – Небесной Матери. Дед шил и рассказывал о моей покровительнице. Она чистая, белая, как снег, ибо помыслы и дела её чисты, она трудолюбива. Люди, живущие под её покровительством, должны совершать важные, нужные дела.

Вечерами дед рассказывал сказки, легенды, различные истории из своей жизни. Он говорил, что на нашей реке Обь много святых мест, и каждое святилище имеет свои священные сказания, которые пелись на Медвежьих игрищах. Мой дед Овэр Якоп ики был знатоком священных песен, и ханты из других родов всегда приглашали его исполнять их на Медвежьих игрищах.

После Казымского восстания дед перестал петь эти сакральные песни. Одна легенда особенно запомнилась мне:

«Жили на земле люди, они были трудолюбивыми, с чистыми помыслами. Вот однажды они решили переселиться на небо. Попрощавшись с родственниками, уезжающие отправились наверх. Три дня аргиш уходил на небо. Оставшие на земле люди видели, как наверху кочевали, оленей своих отправляли пастись. Но вот, однажды, одна из нарт, где было особенно много женской утвари, стремительно полетела вниз и, упав, наполовину вошла в землю около реки Тром-Аган. И это место стало святым. Ханты поклоняются этому месту до сих пор. А людей с этой реки стали звать Люди с Божьей реки».

Тром-Аган – это Божья река, значит, и я стала Человеком с Божьей реки!

Я была маленькой и часто смотрела на небо в ясную погоду. Овэр Якоп говорил, что только послушные, хорошие дети могут увидеть этих Божьих людей с неба. Мне казалось, что они там, на небесах, знают о моих радостях и огорчениях и непременно помогут в трудную минуту. Иногда я просила о помощи и благодарила их про себя, они мне всегда помогали. Когда в детстве очень хотелось плакать, хотелось к маме, на речку Юты, откуда меня увезли на Тром-Аган, я думала, что Божественные Люди не могут помочь, потому что они трудятся на небе. Дед говорил, что боги, как и люди, трудятся. У них большое оленьё стадо.

За оленями надо смотреть, ухаживать и летом, когда мошкара, и зимой, в лютые морозы, чтобы они знали, что нужны человеку. Это очень тяжёлый

труд – ходить за оленями и пасти их и в холод, и в жару.

Когда умер Овэр Якоп, мне пришлось зимой ходить за оленями одной с собакой Кунчи. После похорон деда мы переехали на новое место. Брат Толя в тот год женился и уехал к священному озеру Нумто и не знал, что не стало деда, и поэтому мы со слепой бабушкой Марией остались одни на зимнем стойбище в юрте. До сих пор от тяжести ноют мои руки и ноги, и я невольно вздрагиваю от воспоминаний о тех морозных днях. В те далёкие годы мороз ударял до пятидесяти градусов, и северный ветер не жалел трудолюбивую девочку.

Помню, Овэр Якоп ещё при жизни подарил мне маленького оленёнка и сказал, что если я буду хорошей хозяйкой, то стадо моё приумножится. Оленьё счастье бывает не у всех, а только у честных и трудолюбивых людей, которые со светлыми мыслями поклоняются богам. И ещё помнится, как Овэр Якоп поглаживал мою голову и говорил:

– Смотри, какая у тебя широкая дорога на макушке. У нас, у Ляты, у всех так! Ты будешь счастливой, люди добрые будут встречаться тебе. Смотри, и оленьё счастье у тебя тоже есть!

– Дед, а если я буду жить в посёлке, будет ли у меня оленьё счастье? – спрашивала я.

– Да, оленьё счастье – не значит иметь оленей, это гораздо больше. Об этом ты узнаешь потом, когда вырастешь.

Когда мне был годик, мама ушла от моего отца, они разошлись. Старших сыновей у мамы забрали, дети раньше оставались в отцовской семье. Мой дед Овэр Якоп ики не хотел, чтобы его кровинушки блуждали на других реках, где другие боги

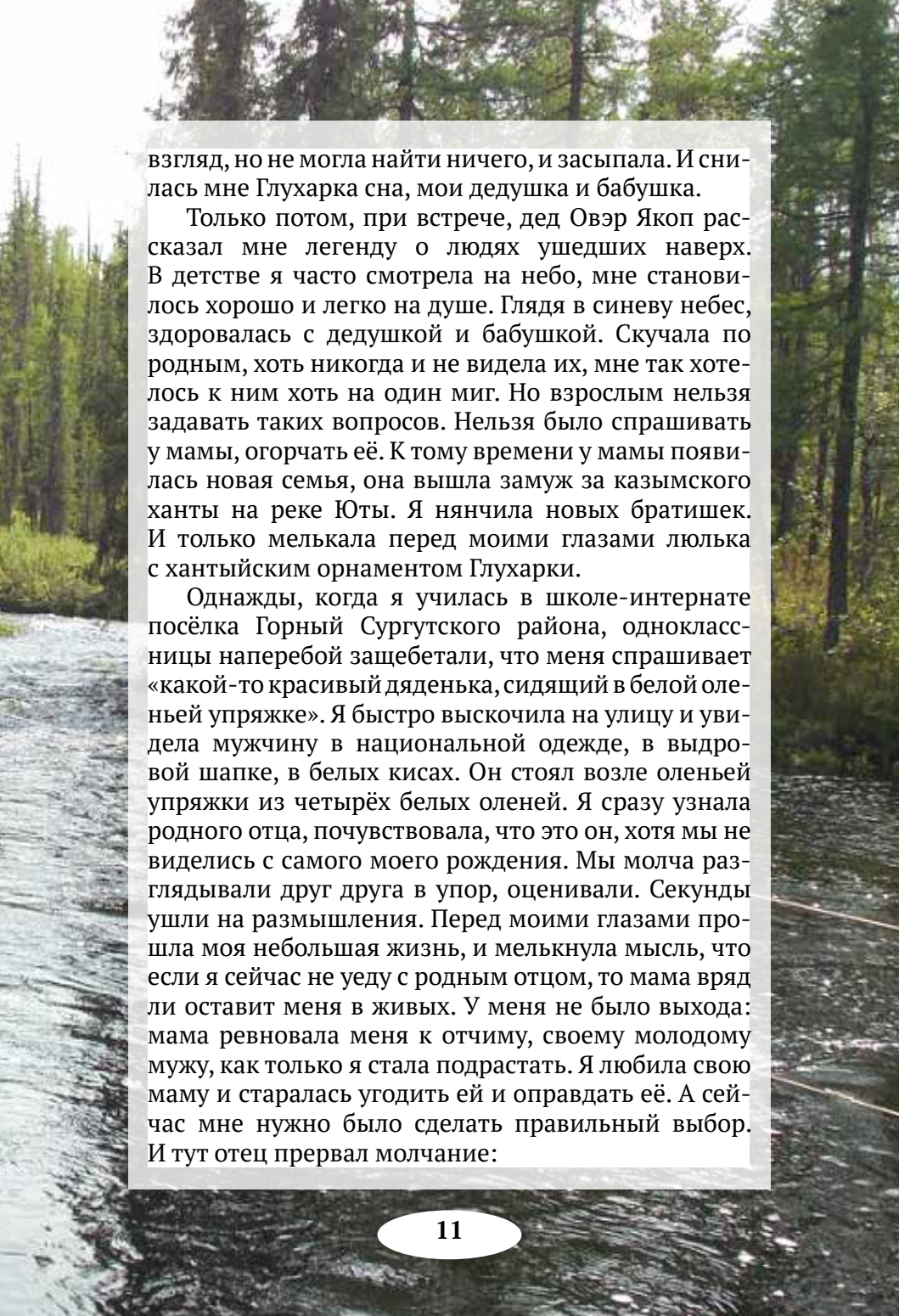
и покровители рек, другой хантыйский говор. А ня оставили в люльке, я ещё сосала грудь, и дед не мог оторвать меня от мамы. Да и чем накормишь младенца, когда кочуешь с места на место в зимний холод. Он только сказал, что обязательно заберёт меня, как только я подрасту.

И я с мамой уехала на озеро Нумто, где она сама охотилась на белок по первому снегу и сдавала пушнину государству. А я, под навесом у осеннего костра, привязанная к бабушкиной ноге, чтобы не уползла, пела свои песни. Моя бабушка, мамина мама, была старой и слепой, старшие её сыновья имели свои семьи, а мама моя была у неё самой младшей. Как бы бабушка ни старалась нащупать меня, не могла за мной угнаться, я была шустрой – Ляты. Однажды я впервые встала, держась за жерди чума. Встала, осмелела и стала танцевать и петь свою песню. Мамин брат Веко сказал:

– Дедушка этой певуны, Овэр Якоп, наверно, горюет по своей внучке. Нехорошо, когда твоя кровиночка гуляет по другим землям.

И действительно, дед мой очень переживал, много раз загонял упряжку из четырёх оленей, чтобы вернуть меня, а доезжал только до реки Пим.

Когда мне исполнилось одиннадцать лет, я впервые увидела своего «белого» дедушку, стриженного под горшок Овэр Якопа ики. Седовласого, с очень живыми глазами. В пяти- или шестилетнем возрасте, когда жила я у мамы, кто-то мне сказал, что у меня есть ещё дедушка и бабушка, которые живут далеко от нас, на реке Тром-Аган. Мне было непонятно: как так – далеко? Под словом «далеко» я понимала небо! Смотрела в небеса и искала глазами хоть что-то, на чём можно было остановить

взгляд, но не могла найти ничего, и засыпала. И снилась мне Глухарка сна, мои дедушка и бабушка.

Только потом, при встрече, дед Овэр Якоп рассказал мне легенду о людях ушедших наверх. В детстве я часто смотрела на небо, мне становилось хорошо и легко на душе. Глядя в синеву небес, здоровалась с дедушкой и бабушкой. Скучала по родным, хоть никогда и не видела их, мне так хотелось к ним хоть на один миг. Но взрослым нельзя задавать таких вопросов. Нельзя было спрашивать у мамы, огорчать её. К тому времени у мамы появилась новая семья, она вышла замуж за казымского ханты на реке Юты. Я нянчила новых братишек. И только мелькала перед моими глазами люлька с хантыйским орнаментом Глухарки.

Однажды, когда я училась в школе-интернате посёлка Горный Сургутского района, одноклассницы наперебой зашебетали, что меня спрашивает «какой-то красивый дяденька, сидящий в белой оленьей упряжке». Я быстро выскочила на улицу и увидела мужчину в национальной одежде, в выдровой шапке, в белых кисах. Он стоял возле оленьей упряжки из четырёх белых оленей. Я сразу узнала родного отца, почувствовала, что это он, хотя мы не виделись с самого моего рождения. Мы молча разглядывали друг друга в упор, оценивали. Секунды ушли на размышления. Перед моими глазами прошла моя небольшая жизнь, и мелькнула мысль, что если я сейчас не уеду с родным отцом, то мама вряд ли оставит меня в живых. У меня не было выхода: мама ревновала меня к отчиму, своему молодому мужу, как только я стала подрастать. Я любила свою маму и старалась угодить ей и оправдать её. А сейчас мне нужно было сделать правильный выбор. И тут отец прервал молчание:

– *Садись в нарты!*

Оленья упряжка мчалась мимо Пима, держа путь на Русскинскую. По дороге отец останавливался у святых мест и молился. Олени чувствовали дорогу домой, и мчались быстрее прежнего, подгоняемые подвыпившим ездоком. От быстрой езды у меня перехватывало дыхание, и морозный иней щипал лицо, которое я старалась прятать за спину отца. В январе было очень холодно, на мне не было тёплой одежды, а страшнее всего было то, что отец потеряет меня в ночи. Вцепившись в нарты окоченевшими руками, цепко держалась я за полозья упряжки. Мелькали чумы, избышки, люди, наши ночёвки у зимнего костра. Наконец, мы доехали до Русскинской, и отец оставил меня у тёти Моти, а сам ушёл.

Согревшись, я осмотрела взглядом четвертинку дома, где никого не было. Вскоре за мной пришёл старший брат Толя и сказал:

– *Мы поедem к деду Овэр Якоп ики. Отец потеряет тебя или пропьёт.*

Я испугалась и быстро накинула на себя принесённый братом сак, который был мне маловат. Но мне было уже всё равно, куда ехать и с кем.

Снова путь, мелькали заснеженные озера и болотца в зимних сумерках. Глубокой ночью мы доехали до посёлка Кочевые и остановились у Анны Петровны. В полутёмной избышке находилось много народу, одни уходили, другие заходили. Я молча наблюдала за людьми и старалась прислушаться к разговору, но ничего не понимала, поскольку с детства знала только казымский диалект хантыйского языка и русский. Зашёл начальник геологоразведки, он сразу заметил меня, подошёл.

Стал быстро говорить на русском языке, что у меня должна быть другая жизнь и что он увёз бы меня в Москву к своей жене. И тут брат Толя быстро взял меня за руку, толкнул в нарты, а начальнику пригрозил хореем. В суете я услышала только: *«Будешь учиться! Жить в Москве! Будешь нашей дочкой!»*

И оленья упряжка снова быстро понесла нас в ночь. Тёмная скользкая дорога, озябшие руки, сон Глухарки, и снова пурга.

По рассказам мамы, когда я родилась, была страшная мартовская пурга. Небо и Земля соединились в танце «белого шамана»! Мы были пастухами и кочевали, потому что держали не только своё стадо оленей, но и колхозное. Из мужчин был дома только мой дед Высокий Якоп. Он подрёмывал, прислушиваясь к шуму в соседнем чуме, где собрались женщины. Да что услышишь? Только ветер закручивает белый снег в танце. И вот прибежала заснеженная бабушка Мария, неся добрую весть о рождении внучки. Что делать: родился ребёнок, но скоро он потеряет свою маму, которая может умереть от кровотечения!.. И Овэр Якоп, несмотря на пургу, быстро надевает малицу, выбегает к священной нарте и открывает её, потом берёт свой аркан и бросает его на священное дерево у святой нарты. Кажется, этот седой старик, участник Казымского восстания, потерявший брата в Великую Отечественную войну, труженик тыла, борется не только с собой, но и со стихией. Дед обещал, что, если внучка выживет, её жизнь он посвятит Верхней Матери. Мама, истекая кровью, услышала отчаянный крик моего деда:

– Что же вы делаете? Помогите этой женщине! Если она умрёт, то умрёт моя единственная внучка!

И Земля воссоединилась с Небом в танце «белого шамана»! Он всю ночь бил в бубен. К утру у мамы прекратилось кровотечение. Так было, когда я родилась...

Сейчас снова была страшная пурга, как будто моё второе рождение на родной дедовской земле, где выросли мои старшие братья, которых я, не видя, полюбила. Метель снова кружила в танце «белого шамана», старший брат Толя отпустил вожжи, и оленья упряжка, кружась в ночи, медленно искала дорогу домой. Ветер кружил дым родного очага, лай собак рассеивался в ночи. Помню только одно: мы плутаем, кружим, и я боюсь упасть с нарт, и руки мои ооченели. Я всю дорогу переживала, что где-то там далеко осталась моя мама, и кто знает, куда я еду.... И в такт моим мыслям стучали от холода зубы. По всему телу бежала дрожь, страх постепенно захватывал моё сознание. И вдруг, как эхо, в темноте раздался голос брата:

– *Мы вышли из пурги! Мы живы!*

Сквозь заиндевелые ресницы в темноте я увидела еле уловимые очертания чума. Раздался лай собак. Меня действительно ждали в этом чуме в ночи, хотя и не знали, когда я вернусь обратно на землю, где родилась в мартовскую пургу. Очень приятно, когда тебя ждут, и трещит огонь в печи, тепло в чуме. Согревшись перед сном, я подумала: «Люди, жившие на небе, живут со мной рядом, и я нужна им! И сон Глухарки сбылся!»

Потухла керосиновая лампа, а огонь в печи ещё долго трещал. После проведения всех обрядов дед сказал, что он дождался меня, и через две недели знакомства уснул и утром не проснулся. Не стало моего седого деда Овэр Якоп ики, он умер...

Это был единственный человек, который умел ждать годами. Он говорил, что знал и слышал от людей, что мне живётся нелегко. Когда я снова была рядом с ним, он часто обнимал меня, целовал в макушку, крепко сжимал, как-будто боялся, что кто-то отберёт меня и шептал:

– Дети от ненки только выжили в проклятии шаманов! Тебе, внучка, скажу!

И грудной плач деда Овэр Якоп ики, его раскаяние отзывалось в моём сердце, он тыкал себя в грудь пальцем, как пистолетом, и плакал. Только помню его крик-исповедь: «Советскую власть на Севере!.. Восстали!.. Уничтожим!.. Будете знать!»

– Взрослых детей будешь хоронить! – надрывный шёпот Овэр Якоп ики переходил в грудной кашель. Дед уже не принадлежал себе, его душа была в танце «белого шамана» между Небом и Землёй...

Остановилось изношенное сердце старца, он затих и умер во сне. Бог дал ему хорошую смерть. Перед смертью Овэр Якоп шептал мне:

– Живи всегда с добрым сердцем, внучка, и в трудах! Люди добрые будут встречаться тебе!

...Две недели школьных каникул, знакомство с моим родным дедом Овэр Якоп ики, который спас меня при рождении, камлая в старый бубен, дали мне стержень в жизни. Очень важно верить в то, что ты человек с Божественной реки. У тайги, у речки, у озера обязательно есть душа, и если ты не слаб духом и телом, если ты умеешь видеть прекрасное в том, мимо чего проходят другие, ты обязательно увидишь эту душу и сможешь жить в удивительной гармонии с природой. Ты растворишься в ней и будешь бесконечно счастлив.

Моя бабушка Мария

Воспоминание о бабушке Марии Кечимовой, согревает душу. Это человек с удивительным даром доброты и терпения. Бабушка рассказывала о том, что когда она была ребёнком, русский батюшка ездил на нартах и крестил всех. Поэтому Крест – Перна, считается Святым. Ещё она рассказывала о хантыйском воспитании, о Великой Отечественной войне, о том, как они возили рыбу в Сургут. Как шли олени обозы во время войны с мороженой рыбой из посёлка Тром-Аган на Сургутский рыбокомбинат. Бабушка рассказывала, что кантэх ёх боялись произносить слово война – ляль, чтобы она не приблизилась к нам. Говорили о ней только шёпотом: *«Когда Солнце и Луна совсем потемнели, с плохими мыслями птица прилетела, среди живых выбрала нужных людей и под землю увела. Поэтому ушедшие на войну люди не нашли обратной дороги и умерли. Женщину-Солнце и Мужчину-Луну хоть силой держи, не удержишь! Они всё равно поднимутся Землю осматривать, так Бог им назначил, чистый огонь нести людям».*

Много хантыйских узоров вышила бабушка за свою долгую жизнь. Бабушка Мария говорила, что смерть запутается пока бежит по узорам, и поэтому каждая хозяйка стремилась огородить себя и свою семью от неё. Под старость она ослепла и переживала, что не смогла меня обучить этому искусству, потому что я жила далеко от неё. *«В каждом узоре зверь спрятался, – говорила она. – Есть узоры*

для богов, есть узоры-обереги для мужчин, женщин и детей».

Ещё Мария рассказывала, что Бог приносящий смерть справедлив. Помню бабушкины легенды, которые я любила слушать долгими зимними вечерами, когда мы оставались одни на стойбище. Вот одна из них:

«Живёт Торум ики на седьмом небе со своей семьёй. Один из сыновей был такой шустрый, непослушный. И вот однажды вечером он так расшумелся, что упал на землю. Только он упал не на твёрдую землю, а в воду в низовьях реки Обь. Торум ики проснулся рано утром и увидел, что сын упал в воду и попал в Нижний мир. И с тех пор его стали звать КЫНЬ ИКИ – Бог приносящий болезнь. Говорят, однажды, заболела женщина, мать семерых детей. Вечером в её доме, откуда ни возьмись, прибежали с четырёх углов, с песнями, плясками, слуги КЫНЬ ИКИ. Подхватили женщину и потащили в Нижний мир. Мать семерых детей была рукодельница, много узоров-оберегов сшила она, поэтому слуги КЫНЬ ИКИ долго блуждали по ним. Наконец они добрались до Нижнего мира, где царствовал КЫНЬ ИКИ – болезнь приносящий. Женщина пригладелась и видит: сидит на троне великан с одним глазом и с одним рогом, одна нога лосиная, а другая лошадиная. Он пристально посмотрел на женщину, а она закрыла лицо платком в знак уважения. И тут КЫНЬ ИКИ заговорил:

– А!!! Это мать семерых детей! Посмотрю в своей «Книге Жизни», пора ей к нам в Нижний мир или нет?

Тут он воскликнул:

– Слышите, эта женщина должна жить! Много дел ей ещё нужно завершить в Среднем мире, где живут люди! Она помнит меня в Среднем мире. Когда открываются реки, она несёт тёмную ткань мне на Сак – верхнюю одежду. Унесите её снова в мир живых людей, пусть рассказывает она всем, что нужно помнить о болезни раньше, чем человек заболел.

Долгой ли, короткой ли была дорога в Нижний мир, женщина уже и не помнит. Только увидела она, что наступило утро, кругом свет, и летает она, лёгкость чувствует. Услышала плач своих детей внизу, пригляделась: дети склонились над ней и зовут её. Тут женщину как магнитом притянуло к своему телу, которое было отдельно от неё. Тепло стало ей. Ожила она. Дети обрадовались матери, развели огонь в очаге. Всё что было, поставила женщина на стол и стала благодарить Богов Верхнего, Среднего, Нижнего миров. Чего и всем живущим ханты наказала».

Говорят, раньше это Священное сказание пелось при сакральных действиях «Пупи ики ек» – во время праздника «Медвежьи пляски». Тогда, из-за смерти дедушки, я отстала от учёбы. Другую, лесную школу, проходила. Помню наказ слепой бабушки Марии и до сих пор слышу её тихий, но твёрдый голос, бабушку невозможно послушаться:

– Ничего, внученька, ты у меня одна и сильная, запомни: ты – Покачева! А все Покачевы – терпеливые. Ты не иди вперёд сразу, а иди назад, а потом иди хорошо вперёд!

Мысленно я буду рядом. И запомни, утебя добрая, светлая покровительница Нум Анки – Небесная Мать! Она будет всегда рядом, даже если меня не станет. Ты будешь жить в посёлке, потому что

не умеешь шить тёплую одежду. Раз нет с нами дедушки, а я слепая, то отпускаю тебя с лёгким сердцем. Учись, работай, когда вырастешь, выходи замуж за русского, он тебя не обидит, ты будешь жить в тепле. Я буду молиться за тебя, пока жива. Среди русских будь русской, среди кантэх ёх будь женщиной ханты. Ты узнаешь, что людей много, как муравьёв в муравейнике. И с ними нужно уметь общаться: плохого не делай, бери от них только хорошее...

Мы с бабушкой договорились, как только наступит осень, я поеду учиться в школу в четвёртый класс, хотя должна была учиться в пятом. В те годы просто так детей не отпускали в другую культуру, к тому же, я была для бабушки долгожданной внучкой. Но старая и мудрая женщина Мария как никто понимала, что не сможет поднять меня на ноги.

И вот наступила долгожданная осень, все взрослые ушли собирать ягоды. Бабушка говорила, что осенью всегда летает вертолёт, который забирает детей в школу, но к нам он может не сесть, так как у нас нет детей-школьников.

– Они же не знают, что у нас есть ты!

Я очень переживала, вдруг вертолёт не прилетит. Но однажды раздался гул вертолёта. Бабушка последний раз ошупала моё лицо, меня и сказала:

– Живи хорошо! Учись, учись!

Дала мне пять рублей (тогда это были большие деньги). Я ей кричу:

– Бабушка, у меня нет сапог, я же не поеду в школу без сапог!

– Возьми у брата, они где-то валяются на улице, – кричала она сквозь шум вертолёта, который кружил над нами.

Я быстро нашла сапоги, они были в заплатах, надела их на босу ногу и побежала к вертолёту. Оглянулась: бабушка моя слепая стоит, распахнув полу дверцы чума, машет мне и кричит:

– *Мэна! Мэна! Лети, лети!*

Как птичку, выпустила меня бабушка Мария. Вертолёт не ждёт, нет времени вернуться к моей мудрой бабушке, с которой мы зимовали зиму, и только сердце моё стучит:

– *Лети! Лети!*

И мы взлетели над Поющим озером! Какое оно красивое, бескрайнее! И только лучи солнца, отражённые в воде, остались воспоминанием.

Первый мой полёт над моей Землёй! Шум ветра! Манящий простор неизведанного, зовущего, и я лечу над Кладовой Знаний, и Сон Глухарки сбылся!

Сила веры

Была весна! Просыпалась Природа!

Приехал брат Анатолий и сказал:

– Сон я видел, пожар будет в твоём доме...

– Время отёла оленей, но я должен защитить тебя и твоих детей от пожара! Нужно срочно купить тебе семь метров белой ткани.

– Беги быстрее в магазин!

Я подумала: «Какой пожар нас ожидает в общезитии?» Переспрашивать не стала у брата. Не принято в народе ханты перечить старшим знающим людям.

И быстро побежала в магазин «Ткани», что около 1-ой школы.

И всё думала по дороге о пожаре...

Действительно, слово «пожар» я услышала осенью. Когда в общезитии произошёл пожар, нашей семьи там уже не было. К тому времени нам дали другое жильё. Впоследствии всё думала: сила веры людей уберёгла нас от несчастного случая...

Это было потом, а сейчас, как в детстве, я быстро бежала за белой ситцевой тканью. Весенний ветерок обдувал лицо, светило яркое солнце.

День был необычный! И радость наполняла душу! Прибежав с белой тканью в руках, увидела, что дети и брат Анатолий Павлович стояли в ожидании меня у крыльца общезития.

Брат повёл нас к реке Пим выше по течению от города Лянтор.

– Пойдём в ту сторону, где встаёт Солнце! Так наши предки делали!

Развели небольшой костёр, и белую ткань очистили в языках пламени.

Мы с дочерьми молча наблюдали за братом и строго выполняли все обрядовые действия. Семиметровую ткань разделили на три части...

Один кусок ткани повесили на берёзу, которая выделялась среди других берёз своей статью. Её крона устремилась ввысь в чистое весеннее небо. Белоснежный ствол берёзы утопал в снежном весеннем сугробе, что поблёскивал на солнце. Белоствольная берёза святостью обряда притягивала внимание. Брошенный взгляд уходил ввысь, в синеву неба. Торжественные, святые действия обряда давали пищу для размышления:

«...У тайги, у речки, у озера обязательно есть душа, и, если ты не слаб духом и телом, если ты умеешь видеть прекрасное в том, мимо чего проходят другие, ты обязательно увидишь эту душу и сможешь жить в удивительной гармонии с природой. Ты растворишься в ней и будешь бесконечно счастлив».

Невольно прислушиваешься к тишине леса, и особая гордость наполняет душу. Изредка в этот миг тишину нарушали белые одиночные льдины, что проплывали по реке Пим.

Вторую часть освящённой ткани с монетками, завязанными в углах материи, спустили по течению реки. Очень важно верить в то, что ты человек с Божественной реки! В этот момент по-особенному задул весенний ветерок и заполнил теплотой пространство. Вдали мы услышали крики лебедей, и все посмотрели вслед улетающим белым птицам. Это был особый знак!

В этот миг особая радость наполнила душу,

и всё пространство наполнилось святостью и верой в добрые помыслы людей...

Третью часть ткани положили в костёр, языки пламени которого быстро поглотили ткань. Небольшой кусочек ткани дали мне для святого уголка в доме...

Вернувшись в общежитие, брат продолжил обряд. Дети мои были потрясены необычным днём и выполняли все сакральные действия с особым усердием. Дочери мои всегда слушались меня: сказано родителями, значит, так надо! Так и меня приучили с детства: всегда наблюдать, и думать, и делать дело. Время шло быстро, вечером брат уехал в Сургут, чтобы успеть на автобус, который идёт в сторону Когалыма. Мы были в недоумении, почему брат не остался на ночь? Нам хотелось побыть с ним и послушать старинные истории народа.

После отъезда брата Анатолия Павловича, буквально через неделю меня вызвали в администрацию города Лянтор и сказали, что моей семье дают жильё коммерческого найма в седьмом микрорайоне. Вскоре приехал муж с Фёдоровки, где он работал после Горного в СМУ-2.

Девочки обрадовались отцу и наперебой стали рассказывать про моего брата, как мы ходили на реку Пим...

А я в этот миг вспомнила реку Ляма, где выросла и посёлок Горный.

Посёлок Горный расположен на горе! Многие горновские помнят ту узкую тропинку, по которой поднимались на гору, где едва отдышавшись, окидывали взглядом реку Ляма, откуда доносились весёлые крики купальщиков. Иногда были слышны

моторные лодки рыбаков. Очень красивые места и до глубины души родные!

...Дом Лаптевых отличается от других домов своей статью, его строили сами родители, он возвышается на берегу реки Ляма и утопает в зелени могучих сосен Урия. Это одно из первых строений посёлка Горный, который сейчас разрушается и закрывается, как и многие другие леспромхозы. Родительский дом ещё той, старой, русской архитектуры. Там живёт дух бабушки Лаптевой и родителей мужа. Стены жилища помнят детский смех Сергея, его сестры и братьев, а также моих дочерей. Я с теплотой в душе вспоминаю этот дом и благодарю его, потому что с детства зарубки этого солнечного дома помнят и меня. Спасибо, родительский дом!

...В посёлке Горном Сургутского района родился мой муж Сергей Лаптев, а я родилась в лесу на стойбище. После окончания Ханты-Мансийского национального педагогического училища в 1987 году приехала сюда и стала здесь работать учителем начальных классов. Вышла замуж за своего одноклассника. Мы с мужем с первого класса учились вместе, я хорошо знала его семью и не боялась выходить замуж за русского. Мы тогда о национальностях и не думали, все дружили...

Подрастали наши дети, работы в леспромхозе не было, к тому же денег в то время в нём и не платили. Так незаметно прошло десять лет нашей совместной жизни с мужем, вскоре произошёл развал великого Союза. Надо было думать, как выучить девочек и дать им образование в будущем. Приняли нелёгкое решение переехать в Лянтор, в котором нас никто конечно не ждал. Я знала с детства два

диалекта хантыйского языка. И пошла работать в школу-интернат к ребятишкам с реки Пим. Всегда знала, что родной язык меня прокормит в трудные времена.

Меня с детства учили надеяться только на свои силы и силы Природы! В Лянторе мне, как учителю родного хантыйского языка и литературы, дали комнату в национальном посёлке. Посёлок Пим, ныне город Лянтор, запомнился мне ещё с детства. В 1975 году меня привезли на вертолёт с верховьев реки Лямин-3 в посёлок Пим. В те годы в наши края приехали первые геологи, и они дали первый вертолёт для сбора хантыйских детей в школу-интернат. Я хорошо помню одноэтажную деревянную начальную школу, которая стояла у реки Пим, где учились дети с нулевого по третий класс, а детей постарше вывозили в посёлок Тундрино. Наш спальный корпус стоял поодаль от школы, метров сто разделяло их, там же была и столовая. Когда мы переходили из здания в здание, шли строем и пели пионерские песни. Иногда нас водили в большое светлое здание клуба, где показывали детские фильмы и сказки, которые ярким пятном вошли в образ и многому меня учили. И ещё запомнилась высокая, светлая учительница, с её дочерью Светой я частенько играла в их новом доме. Около клуба была свежая улица, построенная рыбоучастком. Тогда многие пимчане работали на рыбном промысле и сдавали ягоду, пушнину в ПОХ. В те времена, говорили нам, что город Сургут станет таким большим, что построят до нас железно-каменную дорогу. Кругом только и было слышно:

– Нефть! Нашли нефть!

Тогда это было в посёлке Пим, а сейчас это город Лянтор!

И снова говорят:

– Нефть! Лянторнефть!

Прошли годы, и моя семья снова у реки Пим. В эту затяжную весну мы ждали ледохода, чтобы бросить монеты в воду, умыть лицо и руки в реке, как делали мои предки. Мы ждали ледохода, чтобы пойти снова на Пим.

Но тут неожиданно приехал брат Анатолий и провёл обряд по всем старинным хантыйским законам. Случилось так, что сразу же после проведённых обрядов нам дали отдельную квартиру. И мы должны были переехать из общежития напротив почты в седьмой микрорайон.

Мы с детьми говорили:

– Это дядя Толя помог! Он сильный!

Дети, не веря просторам «деревяшки», радовались и пели детские песни!

В новой квартире муж, приехав с вахты, стал делать ремонт.

И вот, однажды, они снова ушли в новую квартиру, а я осталась в общежитии, выполняя домашние будничные дела.

Шла бурная весна, журчали ручьи, был конец мая. Вдруг постучали в дверь! Я, деревенская, сразу открыла дверь. Там стоял седой мужчина с длинной бородой и седыми волосами до плеч. Походил он на старца из древних русских былин. Увидев меня, он заплакал, и мне стало жаль его, захотелось помочь нежданному гостю. Я обняла его, как младенца, мне хотелось уберечь его от жизненных бед... Этот седой русский старец чем-то напоминал моего деда

Овер Якопа, который тоже перед смертью плакал навзрыд на моих детских плечах.

Овэр Якоп ики, мой дед по отцовской линии, спас меня при рождении, камлая в старый бубен, и его сила веры дали мне стержень в жизни.

Я всегда знала и знаю, что добро помогает жить!

Плач нежданного гостя нарушил тишину, он, всхлипывая, шёпотом спросил:

– Можно?

Он прошёл в комнату, и никак не мог успокоиться и сдержать своё горе, всё плакал в тишине и причитал...

Человеческое горе-бессилие захватило путника, он поднимал свою голову, но у него это не получалось. И тут он припал к окну, встал на одно колено, долго смотрел в окно и гладил проёмы, причитая о сыне, о берёзах, о Боге...

В моём сердце отзывалось каждое слово старца. Я не смела нарушить его уединение и смотрела в окно в другой комнате. Не знала, как помочь старому мудрому человеку. Молча молилась о спасении этого старика, выдавшего много, и которого жизненная дорога привела ко мне.

Вскоре старец успокоился и подошёл к двери комнаты, где находилась я.

Обнял меня, и я услышала исповедь-монолог:

– Спасибо, доченька! У меня горе...

Жена моя лежит больная дома и медленно умирает... Когда-то мы жили в этой комнате и были счастливы!

И слёзы отчаянья душили старца...

– Спасибо тебе за то, что всё осталось так, как было при нас.

У нас был сын, лет четырнадцать тогда ему было. Весной ушёл он на охоту и не вернулся. Тогда вокруг посёлка Пим многие мальчишки охотились. Все удачно возвращались, а наш единственный сын – нет...

Ты прости меня, я не мог показать слёз своей жене, а как увидел тебя, слёзы сами собой покапались... Мы с женой остались одни, сейчас и она умирает...

Как жить мне дальше? Я устал очень за эти годы...Никто нас не сможет утешить... Все эти годы думаем, где он, наш сын?

Так и живём в горе, не похоронив сына...Сын для нас жив! Хорошо, что построили церковь, она спасает меня! А жена не может дойти до неё...

Деревья, что растут около общежития, стали большими... А сына всё нет...

Мы с женой уже постарели, но сына всё ждём!

– Спасибо тебе, доченька! Слово с сыном побывал, и мне стало легче на душе!

Обняв плачущую меня у выхода, он сказал:

– Пойду к жене, расскажу ей, пусть душа у неё успокоится с миром...

И он быстро вышел, снова всхлипывая...

Ушёл старец, а я долго ещё стояла, не могла двинуться с места.

У меня не было сил. Руки мои висели как плети... Очнувшись от тяжести оцепенения, я только смогла сделать движение в сторону двери и выскочила из комнаты в чём была.

На улице было тепло и тихо вокруг.

Люди словно услышали причитания старца и притихли... Замер и наш северный городок Лянтор в ожидании первой грозы...

И только белоствольные плакучие берёзы, посаженные старцем и его сыном у общежития, словно кланялись мне в пояс...

Я думала о потерянном мальчике, о старце.

Перейдя еле-еле дорогу, около Лянторской почты меня настиг ливень, которому я была рада! Я была рада очищению!

Я посмотрела на тёмное грозное небо и подумала, что кто-то меня решил омыть...

Я знала кто! Это мой дед, Овэр Якоп! Старец, мой небесный ангел хранитель!

Я бежала под струёй весеннего дождя к моим родным.

По дороге я вся вымокла, но была счастлива встрече с русским былинным старцем, неожиданному дождю и воспоминанию о седом моём дедушке Овэр Якопе!

Прибежала в новое жильё, там меня ждала семья! Они не поверили моему странному рассказу о былинном старце...

В тот год нас ждало лето радости! Мы с семьёй ездили на озёра рыбачить и почти начали забывать приезд Анатолия Павловича. Но вспомнили о брате и его сакральных действиях, когда услышали слово «пожар». Общежитие, где мы жили, сгорело...

Нам было жаль людей, потерявших свой кров, хорошо, что никто не погиб в огне того пожара. Мне было по-своему жаль того места, где жили мы и старец со своей семьёй когда-то. Сила веры двух народов, двух семей, попавших однажды в одно пространство общежития, не смогли вынести горя старца и его умирающей жены...

Как говорили старые ханты: молитвой и верой надо было очистить – окурить территорию дома.

Священный Огонь решил взять на себя ответственность и очистить людское горе, помочь старцу забыть былое...

Мне не верилось, и я, вспоминая странного гостя в общежитии, думала:

«Старец – это, наверное, видение!»

Уже в новом жильё седьмого микрорайона я смотрела местные лянторские новости по телевизору и увидела своего старца, узнала его.

Он пил чай в кругу ветеранов трудового фронта, был весел и полон жизненной энергии... Я была счастлива за него, а также рада новой встрече...

Решила поспрашивать о нём у старожилов посёлка Пим, оказалось, что многие помнят его! Значит, это был не сон!

Как я счастлива, что смогла выслушать и молитвой своей помочь старцу. Весенний дождь, посланный кем-то, смыл людскую тяжесть в Землю-Матушку, которая готова принять наши невзгоды, беды и печали.

Так было и будет!

На то она, видать, СИЛА ВЕРЫ!

Сила обрядовых действий Покачева Анатолия Павловича, которые уберегли мою семью от пожара в общежитии, на всю жизнь осталась в памяти моих дочерей. Вот, вся сила Веры, Надежды и Любви народа!

Содержание

О, Золотая богиня дома, оберегай нас!.....	4
Мой дед Овэр Якоп	7
Моя бабушка Мария	16
Сила веры	21

Литературно-художественное издание

Галина Павловна Лаптева

Сон Глухарки

Рассказы для детей

Редактор *М. А. Рачинская*
Техническое редактирование
и компьютерная вёрстка *Г. А. Филичевой*

Подписано в печать с оригинал-макета 25.07.2017.
Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура PT Serif. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 2,0. Уч.-изд. л. 1,0. Тираж 200 экз.

ООО «Алмаз-Граф».
198216, Санкт-Петербург, Трамвайный пр., д. 14.
e-mail: almazgraf.spb@gmail.com

